

ПРОПАЛІНКА

1915

МАРЦЬ

№3

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

	Стр.
Спѣшились. Съ карт. <i>І. Рышковича</i>	147
Станицкая пядь. Разск. <i>А. Макаровой-Мирской</i>	148
Два Петра Ивановича и Мурзикъ. Разск. <i>П. Крашенинникова</i> . Рис. <i>А. Ч.</i>	164
Помни. Стихотвореніе <i>П. Аспева</i>	180
Двѣ сказки. Съ англ. <i>М. Гельсингуса</i> Жестокій договоръ. Арабская сказка.	182
Почему левъ царь звѣрей. Сказка индѣйцевъ.	189
Вѣтеръ. Стихотвореніе <i>Н. Ландской</i>	194
Походъ москвитянь. Очеркъ <i>С. Дурылина</i>	195
Весной подъ окномъ. Стихотворніе <i>П. Зайцева</i>	197
Родное слово. <i>Я. Прохорова</i>	198
Дѣти и полевая мышь. Муз. <i>Я. Прохорова</i>	200

Заставки и украшенія взяты изъ книги „*Théorie de la figure humaine*“, изданной въ 1773 г. въ Парижѣ.

Концовки изъ книги Калло „*Военныя упражненія*“.

При этомъ № разсылаются подписчикамъ бесплатныя приложенія:

- 1) „*Золотыя рѣчки*“. Очеркъ *К. Д. Носилова*. 2) Походъ москвитянь. Карт. *С. В. Иванова*.
-

ПРОПАЛІНКА

1906 КИЇВЪ

ПРИКАЗЪ ДРУЖИНИ

Видання 1906 року
Видання 1906 року
Видання 1906 року

ОПИСАНИЕ СТАТУСОВ КНИЖНОГО

Предисловие	1
1. Общие сведения о книжном статусе	2
2. Состав и структура книжного статуса	3
3. Порядок составления и утверждения книжного статуса	4
4. Ответственность за выполнение книжного статуса	5
5. Заключение	6

Издательство Государственной библиотеки имени Ленина
Москва, Арбат, Никольский, д. 21

Москва.—1915.
Типография К. Л. Меньшова.
Арбатъ, Никольскій, д. 21.

ПРОТАЛИНКА

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

Спѣшились.

СЪ КАРТИНЫ І. РЫШКЕВИЧА.

СТАНИЦКАЯ ПЯДЬ.

(Посвящается дѣтямъ - героямъ).

Владислава Яцинкевича знали отъ Ясной Горы до Варшавы; по мѣстечкамъ на ярмаркахъ всегда видали его съ слѣпымъ отцомъ; и кто въ Польшѣ среди русинъ и мелкой шляхты не слыхалъ его пѣсенъ, такихъ же красивыхъ, какъ его ясное личико?

— Кто же родиль тебя такого прекраснаго и разумаго?—какъ-то вскрикнула, слушая его пѣсни на ярмаркѣ подъ Кельцами, красивая пани и осыпала кудрявую голову поцѣлуями.

А это была непростая пани: она пріѣхала въ каретѣ изъ своего имѣнія, и ея гайдуки были въ ливреяхъ.

— Господь даетъ человѣку даръ слагать пѣсни, — ска-

заль его слѣпой отецъ, — онъ отнял за грѣхи мои глаза, но я не жалѣю о нихъ: Владиславъ—мой очн. А думы сла- гать умѣла его мать: онъ весь въ нее, пани.

И, дѣйствительно, мальчикъ походить на свою мать, взя- тую его отцомъ изъ приюта Варшавы, безродную Аннусю, и бѣлымъ личикомъ, и темными, опущенными, длинными, рѣсницами, глазами, и русой кудрявой головою; той же пре- лестью дышали его черты, та же мягкая улыбка ложилась на алыя губы красиваго рта. Недаромъ на Аннусю Яцин- кевичеву заглядывались люди, но она была скромна, какъ монахиня, и всей душой любила мужа, хотя онъ не былъ красивъ и умѣлъ только работать, да пѣть пѣсни: эти пѣсни околдовали ея сердце, потому что такого голоса, какой былъ у столяра Антося, она никогда не слыхала.

Мирно и тихо зажили они въ большомъ мѣстечкѣ, гдѣ родился Владиславъ, близъ Сандоміра, но тутъ пришло горе: заболѣла Аннуся съ чего-то, пометалась, какъ въ огнѣ, съ недѣлю и отдала Богу душу. И съ тоски по ней, отъ невыносимыхъ ли слезъ, или такъ отъ какой причины, по- тухло зрѣніе у Антося,—не сразу, но постепенно погасли его очн; не помогло и лѣченіе. А когда Владиславу испол- нилось шесть лѣтъ, они стали ходить по міру, не прося подая- нія, а распѣвая былины и пѣсни. И была какая-то особая красота въ ихъ пѣніи, привлекавшая сердца людей, трога- вшая ихъ и чаровавшая.

Они могли бы жить въ достаткѣ, такъ какъ деньги сы- пались въ чашку слѣпого. Правда, то были часто мѣдные гроши, но ихъ давали всѣ, и они бы могли скопиться у Антося, но слѣпой щедрой рукой раздавалъ ихъ по церк- вамъ по костеламъ за поминъ души любимой жены. Такъ неслись годы, и Владиславу уже минуло тринадцать лѣтъ.

Съ каждымъ проходящимъ годомъ росъ его даръ сла- гать пѣсни, которыя слѣпой схватывалъ мигомъ и пѣлъ ихъ съ сыномъ, помня слова, точно они, родившіяся подъ свѣт- лыми кудрями сына, писались въ его сердцѣ навѣки.

Тихо шли они по польскимъ дорогамъ: одинъ высокій, сильный, глядя передъ собою незрячими очами, съ посѣ- дѣвшими отъ горя волосами, въ простой и чистой одеждѣ; другой красивый, какъ ясный день, и стройный, какъ мо- лодой тополь, съ полными мысли глазами, которые чаро- вались картинами природы.

— Знаешь,—говорилъ онъ отцу иногда, кладя тонкую руку на его локоть,—заря уходитъ, тухнетъ... какъ тянется за нею сердце, такъ бы улетѣло туда!.. Было у тебя это, когда твои очи еще могли видѣть зарю, небо, солнышко? хо- тѣлось тебѣ улетѣть за зарею?

Слѣпой тихо потуплялъ голову.

— Некогда было, сынокъ, на зарю любоваться: работа всегда; только дума о ней сердце томила. Теперь намъ Гос- подь посылаетъ хлѣба, а тогда кто бы сталъ слушать пѣсни сильнаго парня? только она, твоя мать, полюбила ихъ.

— А она?—жадно спрашивалъ ребенокъ.

— Она,—трепеталъ голосъ отца, — она любовалась на все созданье Божіе, она и сама была такая, что на нее лю- бовались... Она все понимала: чирикають, бывало, птицы, и скажетъ Аннуся:

„Антось, онѣ молятся Богу: каждая былинка Ему мо- лится, потому что ихъ сердца чисты, открыты для молитвы, онѣ не гнѣваются другъ на друга... И цвѣты молятся; по- смотри утромъ на нихъ, какъ они открываютъ чашечки, такія душистыя, и дрожать у нихъ словно слезы на лепесткахъ“!..

Слѣпой смолкалъ, задумываясь. А когда, приходя на

ночлегъ, онъ начиналъ перебирать струны гуслей, на которыхъ игралъ съ малыхъ лѣтъ, то мягкій, ласкающій голосъ Владислава запѣвалъ:

...У Аннуси, королевы юной,
 Было сердце чуткое такое,
 Что, когда она срывала розу,
 Не было душѣ ея покоя.
 — „Милый мой“, — ея уста тревожно
 Королю любимому шептали,
 — „Для того ль цвѣтутъ цвѣты, неосторожно,
 Чтобы ихъ, прекрасные, сорвали?
 Посмотри ты ранними утрами,
 Какъ алмазъ, на лепесткахъ ихъ слезы,
 Это, милый, свѣтлыми слезами
 Передъ Богомъ плачутъ наши розы!
 Это ихъ прекрасная молитва...
 Вѣрь: мнѣ сердце это подсказало!“
 И съ тѣхъ поръ Аннуса-королева.
 Пышныхъ розъ утрами не срывала.

Слѣпой слушалъ, перебирая струны. И они опять начинали эти слова уже вмѣстѣ; прекрасный голосъ мужчины сливался съ дѣтскимъ чистымъ чарующимъ голосомъ, и народъ начиналъ собираться около нихъ.

Когда грянулъ громъ войны, Антось заспѣшилъ съ сыномъ къ себѣ въ мѣстечко; оно стояло въ сторонѣ отъ дороги, и слѣпой думалъ, что нѣмцы, о которыхъ полетѣла недобрая слава, не дойдутъ сюда. Здѣсь онъ всегда имѣлъ пріютъ у стараго крестьянина Марка; и отецъ Брониславъ Цеховскій, старый ксендзъ ихъ селенья, также любилъ ихъ обоихъ сильно.

Отцу хотѣлось, чтобы ужасы войны не коснулись сына, и онъ сказалъ Владиславу:

— Отдохнемъ пока, не станемъ бродить по свѣту; насъ прокормятъ и здѣсь... Тутъ глухо, зачѣмъ итти сюда нѣмцамъ?

И, дѣйствительно, громъ орудій не долеталъ до ихъ Свенцишекъ, но долетали вѣсти о томъ, какъ управляются нѣмцы съ народомъ. Самихъ ихъ не видали даже близко. Каждый день къ нимъ въ деревню бѣжали люди съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходили враги. Польша застонала отъ звѣрствъ нѣмецкихъ. И, вздыхая, слѣпой говорилъ сыну:

— Слава Богу, мальчикъ, что она ушла, не увидавъ недоли, наша Аннуся... страшно даже слушать о томъ, что говорятъ.

Онъ не видалъ, какъ темные глаза Владислава разгорались страданьемъ, когда плачущіе люди говорили о разоренныхъ селеніяхъ, о страшныхъ пожарахъ и грабежахъ, объ убитыхъ священникахъ и разграбленныхъ костелахъ. И въ безсонныя ночи, слушая далекую пальбу подходившихъ все ближе враговъ, Владиславъ думалъ о многомъ, смотря печальными глазами въ вечернюю мглу.

— Русскіе прогонятъ ихъ, — сказалъ какъ-то его отцу ксендзь съ убѣжденіемъ, — русскіе намъ родны: они почитаютъ святыхъ; вѣдь, это же славяне! Они поднялись и идутъ за насъ.

Старый ксендзь не зналъ, какую великую радость принесли въ дѣтскую душу его слова, и невольно поразился, когда, спустя день, тихимъ сентябрьскимъ вечеромъ услышалъ, какъ мальчикъ пѣлъ отцу на крыльцѣ, выходящемъ къ темнѣющей саду:

...Всѣ, кто силъ бороться не имѣеть,
 Кто изъ насъ сразиться самъ не можетъ,
 Кто меча взять въ руки не умѣеть,
 Пусть тому Господь на умъ положитъ,
 Какъ ему принести хоть каплю силы,
 На благое и святое дѣло,
 Отомстить за зло и за могилы:
 Въдѣ, земля отъ крови поалѣла,
 Въдѣ, текутъ кровавыми струями
 Наши рѣки: Висла, Бугъ и Нѣмань,
 И пожаровъ яркими зорями...

Его пѣніе прервали удары орудій: они близились день ото дня, и ксендзъ печально покачалъ головою; но, словно ободряя его, съ крыльца понеслася новая пѣсня:

Слышишь ли, отецъ родной мой, слышишь?
 Это—пушки! Но не бойся, бѣдный,
 Что ты такъ глубоко, трудно дышишь?
 Почему печальный ты и блѣдный?
 Это мстить пришли проклятымъ швабамъ
 Наши съ сѣвера, съ Великой Руси!
 Помоги имъ, Пресвятая Дѣва,
 Помоги имъ, Кроткій Иисусе!
 Слышишь, тамъ, гдѣ зорька угасаетъ,
 Замолкаютъ вражыхъ пушекъ звуки?
 Погоди, отецъ, съ зарей восхода
 Наши крѣпкія поднимутъ руки,
 И уйдетъ изъ края вся недоля,
 Перестанутъ литься наши слезы,
 Хлѣбъ стѣной поднимется на полѣ.

Къ дому бѣжали сельчане, а за ними съ пиками, въ

мохнатыхъ шапкахъ, неслись люди на лошадяхъ, и, при видѣ ихъ, радостная улыбка освѣтила лицо ксендза.

— Вотъ ты и напророчилъ, Владиславъ,—сказалъ онъ мальчику, опускаясь съ крыльца имъ навстрѣчу, — то — казаки!

— Что испугались, глупые?—остановилъ онъ бѣжавшихъ къ нему,—это—друзья, ихъ не нужно бояться: они пришли изъ Россіи бить тѣхъ, кто мучитъ нашихъ.

Владиславу понравились смѣлыя лица проѣхавшаго отряда. Казаки спѣшили: они поговорили съ ксендзомъ и напились молока, которое принесли имъ польскія женщины; имъ дали проводниковъ по лѣсу. И ксендзъ обрадовалъ своихъ рассказомъ, что русскія силы уже близко, что они гонять отъ Варшавы и изъ края нѣмцевъ.

Въ эту ночь Владиславъ уснулъ крѣпко: тѣ, кого онъ ждалъ, избавители пришли и будутъ бороться за нихъ, за тѣхъ замученныхъ, про которыхъ имъ говорили.

Осень наступила. Пошли дожди. И какъ-то ксендзъ, сидѣвшій съ слѣпымъ и Маркомъ, сказалъ, слушая рассказъ бѣглеца изъ разоренной деревни, пришедшаго къ нему, о томъ, какъ упорно бьются русскіе съ нѣмцами.

— Да, ихъ — туча, сила; русскимъ ихъ надо гнать въ лѣса, въ болота... Вотъ у насъ Станицкая пядь, далеко ли? И никто не подумаетъ чужой, что въ ней—смерть всякому; ровная луговина, а только не поберегись, пойдя по ней и уйдешь въ вѣчность!.. А такихъ болотъ по Польшѣ сколько угодно; въ одномъ нашемъ 300 человекъ утонетъ.

— Почему его, отецъ мой, зовутъ Станицкимъ болотомъ?—спросилъ Владиславъ.

— Это, дитя, давнее названіе. Тамъ, гдѣ горка за лѣ-

сомъ, когда-то была усадьба, говорить преданье, и жить тамъ магнатъ Станицкій. Самъ король Казиміръ боялся его: былъ онъ могучь, богатъ и знатенъ. А люди стонали подъ его рукою, какъ стонуть теперь отъ нѣмцевъ наши поляки; озлится на кого, только зубами скрипнетъ и прикажетъ казнить. Много мѣстечекъ было подъ его властью, и творилъ онъ тамъ судъ и расправу.

Какъ-то на охотѣ отбился онъ отъ свиты и, весь грязью обрызганный, на ночь остановился въ мѣстечкѣ отдаленномъ. Крестьяне-русины никогда его въ глаза не видали, но слышать о немъ слышали и много.

Попросился онъ ночевать, впустили, обогрѣли, угостили и разговорились, не вѣдая, кого принимали,—а онъ прикинулся добрымъ, — про то, про се: и какой у васъ панъ? и каковъ онъ? Ну, тѣ по-просту ему:

„Панъ у насъ лютый, да слава Богу до насъ не доходитъ его лютость.

И давай рассказывать про него.

„Мать, говорятъ, у него злющая была, и онъ—въ нее; его отецъ былъ добрымъ паномъ; а у сына темная душа“.

Посмѣивается гость себѣ въ усъ и ихъ пытается:

„А что же вы съ нимъ не управитесь?“

И сынъ ихъ, молодой, горячій, говоритъ:

„И управимся, когда дойдетъ дѣло: загонимъ его въ болото, что подъ замкомъ, и пусть утонетъ въ немъ его грѣшное тѣло вмѣстѣ съ душою; ни пули, ни веревки онъ не стоитъ“.

— А что онъ дѣлалъ?—прозвучалъ голосъ Владислава.

— Темныя дѣла, дитя: жегъ, вѣшалъ, задиралъ до смерти, топталъ дѣтей подъ конемъ; все, что нѣмцы дѣлаютъ теперь... Ну, выпался онъ и уѣхалъ порану, а къ полдню

нагрянули его хлопы на деревню, связали молодого парня, что хотѣлъ пана Станицкаго загнать въ болото, а всѣхъ остальныхъ погнали кнутами къ пану. Увидали они его и узнали, но не уstraшились. Не страпатася же сейчасъ люди иные швабовъ! И всѣхъ ихъ погнать велѣлъ въ трясиину панъ, усмѣхаясь недоброй улыбкой. А молодому парню, котораго передъ собой поставилъ, сказалъ:

„Пусть они мнѣ дорогу проложатъ за твои вчерашнія рѣчи“.

Молча смотрѣлъ парень, какъ они всѣ до одного потонули въ болотѣ, сгибли съ молитвой, погружаясь въ свою могилу холодную; повернулся къ пану и засмѣялся.

„Песъ, — говоритъ, — ты швабскій; ты бы визжалъ и лаялъ, если бы погибалъ такъ, какъ они. Научили тебя хотя, какъ умирать нужно?“ — И плюнулъ ему въ лицо. Ну, ему придумалъ панъ казнь. Привязали къ дикому коню за хвостъ на веревкѣ и пустили коня на волю. Приказалъ такъ панъ, и замучили бѣднаго, но онъ не пикнулъ, умирая. Съ тѣхъ поръ зовутъ трясиину нашу Станицкимъ болотомъ.

— Завтра пѣсню сложишь объ этомъ, — положилъ старикъ руку на голову Владислава, — если жить будемъ; только завтра, говорятъ, нѣмцы придутъ, ограбятъ и убьютъ насъ; особенно меня, потому что первымъ долгомъ грабить костелы начинаютъ, а я пока живъ, не допущу ихъ до храма. Пусть черезъ мой трупъ шагаютъ; всю жизнь я въ немъ народъ училъ, и не хочется видѣть мнѣ его поруганіе. Убили же они русскаго священника Гервасія?! Хорошій человекъ былъ, не пустилъ ихъ въ храмъ, они его и убили.

— Много ихъ, какъ мухи на медъ ползутъ въ Польшу, — сказалъ Маркъ. — Охъ, и много... Варшава ихъ манитъ, а

русскіе бьются съ ними не на животъ, а на смерть въ Галиціи, въ Пруссіи, въ Польшѣ. Помогни имъ, Боже! Но трудно имъ; огромны пушки у швабовъ, люты они.

И совсѣмъ мягкимъ спокойнымъ голосомъ Владиславъ молвить въ наступившей тишинѣ.

— Господь Іисусъ поможетъ русскимъ. А эти болота, отецъ мой, тутъ, или тамъ у горы за роццей? Мы все съ отцомъ по Польшѣ ходили и не знаемъ своихъ мѣстъ, — пояснить онъ ксендзу.

Потомъ о чемъ то думать долго, не слушая болѣе рѣчей, подперевъ рукою прекрасную голову. А ксендзъ говорить:

— Давно бы они къ намъ нагрянули, да трудны дороги сюда; болота, лѣса. Русскіе отряды тоже пугаютъ ихъ; они здѣсь проходятъ близко, въ Галицію пробираясь, но придутъ, вотъ, погонять ихъ только отъ Варшавы передъ собою! все они разорили на пути, а назадъ кидаться будутъ за фуражемъ, подберутъ все, гдѣ не разорено.

Всѣ эти ожиданія и страхи отразились на здоровьѣ Антона; онъ сталъ хирѣть, кашлять и слабѣть.

— Охъ, мальчикъ мой милый, что будетъ, если выгонять насъ на улицу?—томился онъ. — А что имъ? придутъ и выгонять. Убьютъ въ самомъ дѣлѣ ксендза нашего благодѣтеля. Я вотъ и ходить не могу, за тебя ноетъ сердце. Мнѣ то уже ничего, но ты, голубокъ мой! Зачѣмъ я не увелъ тебя въ Варшаву? ея не отдадутъ швабамъ!

Мальчикъ утѣшалъ его, осыпая ласками; но только стоило донестись звукамъ далекихъ выстрѣловъ до слуха больного, какъ онъ начиналъ опять томиться, тая съ каждымъ днемъ, пока въ одинъ октябрьскій холодный вечеръ его душа не перестала болѣть за сына навсегда.

Въ этотъ день прибѣжали бѣглецы изъ ближней, не разграбленной еще, деревни.

— Идутъ! — сказали они, — гонютъ ихъ отъ Варшавы, слышно. А они въ стороны кидаются, лютуютъ. Не приведи Боже! Просили куръ у старухи, а какія у насъ куры? Сказала: „нѣтъ!“ а они говорятъ: „Вотъ же тебѣ вмѣсто куръ!“ — И порубили ее, а деревню зажгли. „Грѣться намъ надо!“ — говорятъ.

— Охъ, злодѣи! Последнихъ коровъ покололи и съѣли; ищутъ, какъ псы голодные, съѣстнаго.

И такъ одинъ за однимъ голодные и холодные, рассказывая ужасы, бѣглецы наполняли мѣстечко.

Большія свѣчи горѣли у тѣла Антона, когда пришли враги. И разомъ все замерло въ домахъ селенія. Они влѣтѣли въ мѣстечко угрюмые, въ своихъ каскахъ, и поспѣшили въ домъ ксендза. Ихъ было болѣе тридцати: лица ихъ, озлобленные и хмурые, пугали всѣхъ.

— Ъсть! — потребовали они, — а потомъ соберете все, что есть: птицу, коровъ и денегъ. Мы торопимся, чтобы къ утру было готово, хотя тысяча золотыхъ, а то тебя, — грубо сказалъ ксендзу старшій изъ отряда, — повѣсимъ на деревѣ и разнесемъ твой костель, а деревню я спалю, какъ свѣчку.

Стоя у тѣла отца, Владиславъ не проронилъ слова. Нѣмецъ говоритъ по-польски хорошо, и его угрюмое лицо было видно мальчику; онъ же приказалъ приготовить все для ночлега въ комнатахъ ксендза.

— У насъ покойникъ въ домѣ, панъ, — сказалъ спокойно отецъ Брониславъ, — можетъ быть, пану угодно ночевать въ экономіи? Туда принесемъ мы все, что имѣемъ, и угостимъ всѣхъ.

— Унеси лучше покойника въ экономію, — усмѣхнулся

нѣмецъ жестко,—а я желаю побыть въ твоёмъ домѣ. Живо выбрось на улицу свою дохлятину, а не то я сдѣлаю столько покойниковъ, что некому ихъ будетъ и хоронить.

Маркъ и другіе помогли ксендзу вынести тѣло слѣпого въ дальнюю постройку, а въ домѣ начался пиръ. Женщины служили нѣмцамъ съ блѣдными лицами и полными ужаса глазами глядѣли на нихъ. А ксендзъ тихо прощался со всѣми.

— У меня нѣтъ зготовъ, вы знаете, и я не пущу ихъ никого въ костель. Уходите, милые, и уводите дѣтей, пока они пьютъ.

— А если поджечь домъ съ ними?—сказалъ Маркъ.

— Они сторожатъ его,—отвѣтилъ ксендзъ.—Нѣтъ, уходите лучше: они перебьютъ васъ всѣхъ; вѣдь русскіе близко; потерпите... пусть лучшу умру я одинъ, чѣмъ всѣ.

Владиславъ слушалъ его; блѣдное печальное личико было полно рѣшимости и грусти. Поцѣловавъ холодный лобъ отца, онъ подошелъ къ старому ксендзу и сказалъ съ обыкновенною мягкостью:

— Отецъ мой, не усылайте нашихъ, пожалуйста, и не думайте, что я помѣшался отъ горя; благословите меня и не мѣшайте мнѣ... И повѣрьте, что я люблю васъ всѣхъ.

Черезъ минуту его чарующій голосъ звенѣлъ въ домѣ, а прекрасныя уста улыбались врагамъ.

— Привѣтъ панамъ-нѣмцамъ! Я тоже нѣмчинъ, хотя моя мать полька и держала меня, какъ ягненка на приколѣ, даже говорить по-нѣмецки не научила. Я все расскажу панамъ по-утру, гдѣ найти золото у этихъ дураковъ! Купайте, паны.

— Эй, несите пива: у Марка въ погребѣ его много. Скорѣй, лайдачки!—кричалъ онъ на женщинъ.—Ишь, привыкли къ казакамъ: тѣмъ небойсь, угождали!

Нѣмцы, привѣтливо поглядывавшіе на его оживленное прекрасное лицо, насторожились.

— Развѣ здѣсь они проходятъ? — спросилъ старшій, быстро переводя другимъ его слова.

— Часто, панове, часто. Завтра къ полудню, навѣрно, нагрянутъ; прилетятъ, какъ черти, пикн впередъ, и не убѣжишь отъ нихъ. Я ихъ, лайдаковъ, не терплю: кровь у меня отцова. Давно бы убѣжалъ, да все мать.

— Молодецъ! — похвалили его знавшіе по-польски. — Давно тутъ живешь? Дороги знаешь?

— Знаю, паны, знаю каждую тропу.

— И какими казаки ходятъ?

— Ну, конечно; они больше на лѣсъ, имъ бы засада была. Коршуну! А въ лѣсу опасно; ямы... тутъ, за рощей, хорошая дорога есть, прямкомъ на Краковъ, вьется мимо городовъ и мѣстечекъ. Австрійцы по ней, торговцы, ходятъ.

— Говоришь, казаки могутъ приѣхать?

— Могутъ, паны! [я бы сказалъ, да боюсь, панъ добродзей. Застойте меня и съ собой возьмите. Какъ вы пришли, тутъ двое ихъ было, они до своихъ поскакали, пали на лошадей и поскакали. Я не смѣлъ сказать... не пускали меня, — понизилъ онъ голосъ. — Наши меня боятся: я какъ-то погрозился, что къ нѣмцамъ уйду.

— Ну, ладно, — перебилъ его старшій, что-то говорившій своимъ, — поѣдемъ мы. Слышишь? Проводи насъ до той дороги, о которой говорилъ.

— А меня-то, паны, съ собой возьмете? — испугался Владиславъ, пряча правдивые глаза подъ рѣсницами. — Не оставляйте: они сейчасъ нагрянутъ, тогда меня выдадутъ имъ. Нѣтъ, пожалуйста, возьмите меня съ собою; я ихъ боюсь.

Ксендзъ слушалъ его въ сосѣдней комнатѣ, держась рукою за сердце, удивленный его поведеніемъ. Онъ теперь понялъ все, понялъ и затрепеталъ за жизнь мальчика.

А поляки спѣшно собирались.

— Гдѣ попъ?—сказалъ старшій по-нѣмецки,—повѣситъ его нужно!

Но Владиславъ чутьемъ угадалъ его слова. Его лицо смертельно поблѣднѣло, и онъ вскрикнулъ, будто къ чему то прислушиваясь.

— Панове! панове! у меня чуткое ухо... словно топотъ вдали... это большой отрядъ... Возьмите меня ради Иисуса и скорѣй отсюда.

Видя его блѣдное лицо, его испугъ, всѣ заспѣшили къ лошадямъ, побросавъ неоконченный ужинъ, и въ мглѣ поспѣшно сѣли на нихъ.

— Скорѣе!—торопилъ Владиславъ, хватаясь за стремя старшаго.— Бросьте... не велите поджигать дома: они при заревѣ увидятъ насъ и догонятъ.

Онъ быстро забрался на сѣдло нѣмца, погнавшаго лошадь послѣ приказанія не поджигать усадьбы ксендза.

— Гоните,—шепталъ онъ, точно разомъ ослабѣвъ,—на рощу... прямо... а потомъ подъ лѣсомъ у горы... къ луговинѣ... сперва у самой горы, а потомъ, какъ я услышу ихъ и скажу, черезъ лугъ; они погонятся за нами безъ крика... тѣмъ лѣсомъ... хорошо, что темно!

Его слова нѣмецъ передавалъ другимъ, а Владиславъ шепталъ, ловя чуткимъ ухомъ далекіе случайные выстрѣлы.

— Слышите?... слышите? стрѣляютъ далеко; это они всегда такъ вѣсть подають... У горы тропа... такъ хорошо... потомъ совсѣмъ легко будетъ лугомъ.

— „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“... — Такъ... такъ... еще выше, чтобы разомъ хлынуть всѣмъ на середину дуга.

— „Да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое“... — Вотъ, скоро... они уже въ селѣ: слышите, кричать? Гоните, гоните коней!

— „Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли“... — Теперь спускайтесь.

— „Хлѣбъ нашъ насущный дай мнѣ дорогимъ и остави намъ долги наши“... — Не бойтесь, это — ключикъ. Гоните, гоните коней; все теперь... хорошо. Здѣсь вязко, но это скоро пройдетъ.

— „Господи, прости, что я не могъ оставить врагамъ ихъ долги! Я самъ, Господи, съ ними... Помоги мнѣ умереть и сохрани Польшу, милую Польшу, мою родину... утони изъ нея злыхъ!“

Нѣмецъ затрепеталъ на сѣдлѣ: его лошадь отчаянно заржала, и такимъ же ржаньемъ ей отвѣтили другіе. Станищкое болото захватило ихъ. И съ силой, осыпая проклятьемъ проводника, нѣмецъ толкнулъ съ сѣдла Владислава въ топкую зелень луговины.

Юное тѣло метнулось по ней и въ свѣтѣ электрическихъ фонариковъ, нѣмцы увидѣли, какъ онъ погрузился въ тину, засасывающую ихъ.

— Господи добрый, — звенѣлъ дѣтскій слабѣющій голосъ, — упокой мою душу, прости мнѣ и помоги нашимъ!.. Боже мой!.. Боже мой, Боже...

Трясина поглотила его. Расширенными отъ ужаса глазами нѣмцы видѣли, какъ метнулись, при свѣтѣ фонаря, длинныя золотистыя кудри на зелени, въ которую засасывало ихъ всѣхъ. И старому Марку, бѣжавшему за ними по яру съ другими, казалось, что на трясинѣ, опускаясь все

ниже и ниже, горять огромные свѣтляки, а не фонари нѣмцевъ. Они слышали крики, вопли, ржанье лошадей. Потомъ все стихло, и только послѣдній фонарь, какъ погребальная свѣча нѣсколько времени свѣтиль надъ болотомъ, медленно погружаясь въ него.

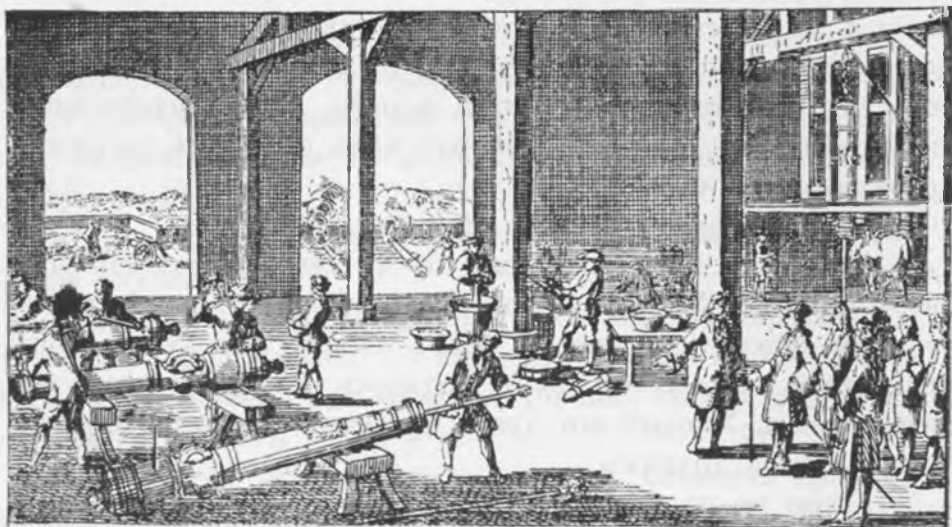
Колѣни Марка тряслись, и губы шептали:

— Упокой его душу, Боже! Пусть Тебѣ споютъ его уста святыя пѣсни. Услышь его молитву о родинѣ: это былъ настоящій сынъ своей земли, братъ своему народу. О, Боже праведный, дай, чтобы болѣе родилось такихъ на славу нашей родины. Упокой его душу праведную, чистую: онъ положилъ ее за другихъ.

Ночью въ костелѣ, рыдая, отслужили они по погибшемъ заупокойную молитву, наутро въ ихъ мѣсто пришли русскіе, тѣснившіе и обходившіе враговъ. И ихъ капитанъ, которому ксендзъ разсказалъ со слезами о Владиславѣ, пожелалъ увидѣть трясину. Подѣхавъ къ ней, онъ снялъ шапку, осѣняя себя крестомъ.

Вѣдь, это была могила героя, передъ которой нужно было обнажить голову.

А. МАКАРОВА-МИРСКАЯ.

ДВА ПЕТРА ИВАНОВИЧА И МУРЗИКЪ.

Они оба служили въ Казенной Палатѣ, занимали ничтожныя мѣста канцелярскихъ служащихъ, и получали — одинъ, старикъ, двадцать пять рублей, другой, гораздо больше, нѣсколько больше.

Старика звали Григоріемъ Петровичемъ, молодого — Павломъ Степановичемъ.

Но сослуживцы никогда не называли ихъ этими именами, а придумали для нихъ одинаковое: — „Петръ Ивановичъ“, съ тою лишь разницею, что старый былъ „Петръ Ивановичъ Первый“, а молодой — „Петръ Ивановичъ Второй“.

И они оба настолько привыкли къ своимъ прозвищамъ, что и сами такъ называли другъ друга. Петръ Ивановичъ

Первый служилъ сравнительно недавно. Появился онъ растерянный, лысый, грузный и нездоровый. Товарищи сразу замѣтили, что онъ былъ глухъ на оба уха, прихрамывалъ и въ канцелярскомъ дѣлѣ не понималъ ничего.

Вѣроятно, онъ никогда бы не усвоилъ разныхъ канцелярскихъ тонкостей, если бы не имѣлъ помощи въ чяхоточномъ чиновникѣ, выручившемъ его однажды изъ бѣды. Этотъ чиновникъ и былъ Павелъ Степановичъ, или „Петръ Ивановичъ Второй“.

II.

Сгорбленный, несмотря на свои тридцать пять лѣтъ, узкоплечій, со впалою грудью и особенно прозрачной, точно восковой, кожей на безусомъ лицѣ, Павелъ Степановичъ похожъ былъ на человѣка, только что оправившагося отъ долгой и тяжелой болѣзни. Глаза у него были крохотные, быстро бѣгающіе и глубоко спрятанные въ вѣкахъ, откуда въ сумракѣ поблескивали, какъ угольки. Одѣвался онъ постоянно въ шевіотовое, истертое платье, носилъ бумажную манишку съ галстукомъ - шалью, закутывавшимъ всю шею и грудь.

Надъ Петромъ Ивановичемъ старымъ онъ часто подсмѣивался, но подсмѣиваясь, онъ и покровительствовалъ ему. И Петръ Ивановичъ старый, несмотря на свою забитость и глухоту, понималъ доброе чувство чяхоточнаго канцеляриста. Одно обстоятельство сразу ихъ сблизило.

Какъ-то осенью старый Григорій Петровичъ явился на службу въ крайне разстроенномъ видѣ. Нижняя губа у него тряслась, остатки волосъ были взлохмачены, платье

забрызгано грязью. Онъ растерянно поздоровался съ Павломъ Степановичемъ и сейчасъ же юркнулъ къ своему столу. Молодой сначала не обратилъ вниманія на его разстроенный видъ, но подойдя къ нему, вдругъ замѣтилъ, что у стараго Петра Ивановича дрожать руки, что, составляя бумагу, онъ повторяется и почти въ каждомъ словѣ пропускаетъ буквы.

Павель Степановичъ освѣдомился у него, не боленъ ли онъ... и очень удивился, когда услышалъ, что ему отказали отъ квартиры. Собрался было онъ по обыкновенію посмѣяться надъ нимъ, но поглядѣлъ на старика и стихъ, понявши, что для этого забитаго и задерганнаго человѣка даже исканіе новаго угла можетъ представлять событіе громадной важности. Григорій Петровичъ тутъ же объяснилъ ему, что два вечера отыскивалъ себѣ подходящую по цѣнѣ комнату и ничего не могъ найти. Чахоточный Петръ Ивановичъ подумалъ и сказалъ:

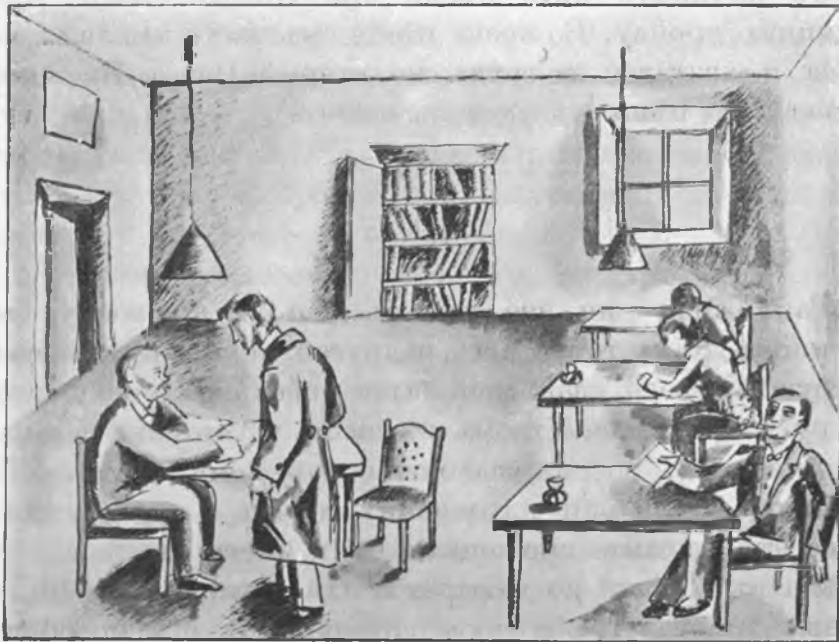
— Петръ Ивановичъ, знаете что? Я снимаю комнату хотя и въ одно окно, но она просторная. Тамъ найдется мѣсто для вашей кровати. Переѣзжайте ко мнѣ. Можетъ быть, жить вмѣстѣ намъ окажется сподручнѣе.

Старый Петръ Ивановичъ сначала по обыкновенію испугался, — онъ пугался всякой неожиданности, — потомъ пробормоталъ что-то въ родѣ того, что совмѣстная жизнь не только дешевле, но и пріятнѣе.

Черезъ два дня онъ водворился въ комнату своего сослуживца. Цѣлую недѣлю послѣ этого тянулся у нихъ праздникъ: оба убирали свою комнату и всячески украшали ее. Единственное окно ея было завѣшено тюлевой занавѣской, подаренной хозяйкой жильцамъ на „новоселье“. Кровати были поставлены вдоль одной стѣны; у cadaго

квартиранта появилось по письменному столу, служившему для них предметом особой заботливости. Столы только носили название письменных, на самом же деле один был ломберный, а другой самый простой кухонный, тем не менее у одного жильца появилась на столе ваза с цинералиями, у другого — альбомъ.

Петръ Ивановичъ молодой отличался необыкновенной чистоплотностью. Онъ терпеть не могъ пыли и много свободного времени посвящалъ смахиванью и стиранью ея съ разныхъ предметовъ. Григорій Петровичъ къ чистотѣ относился безразлично, но не выносилъ беспорядка на своемъ письменномъ столѣ. Онъ часто бывалъ недоволенъ, когда

Павель Степановичъ, убирая его столъ, переставлялъ чернильницу на четверть аршина въ сторону или разстраивалъ тотъ гармоническій порядокъ, въ которомъ лежали его карандаши.

По праздникамъ въ комнатѣ Петровъ Ивановичей бывало особенно торжественно. Накрывался скатертью обѣденный столъ, на столѣ появлялись фрукты и сласти. Оба они одинаково любили сладкое, но расходовались только по праздникамъ и никогда не увеличивали своихъ паёковъ на угощеніе. Послѣ десерта слѣдовалъ праздничный чай, и за чаемъ начинались бесѣды о быломъ, о прошлой жизни, о семьѣ. Случалось, что Петръ Ивановичъ молодой доставалъ у вдовы-хозяйки гитару и большимъ скрипучимъ голосомъ начиналъ пѣть пѣсни про „бѣлые снѣги“ и про ямщицкую тройку. Во время пѣнія онъ часто кашлялъ, морщился и хватался за грудь, но старшій Петръ Ивановичъ слушалъ его пѣніе съ удовольствіемъ.

III.

Такъ жили они изо дня въ день, и по-своему были счастливы. Какъ тотъ, такъ и другой, не ждали повышенія по службѣ, своей квартирой были довольны, и очень другъ къ другу привыкли. Утромъ въ шесть часовъ они вставали, пили чай и въ восемь выходили изъ дому, чтобы сѣсть на конку. Жили они на окраинѣ города и едва успѣвали къ десяти часамъ притащиться къ мѣсту своей службы. Сидѣли въ Палатѣ до четырехъ или пяти, а къ семи приѣзжали домой. И оба чувствовали, что приспособились другъ къ другу, что мелкія столкновенія лишь разнообра-

зять ихъ жизнь и дѣлаютъ ее въ нѣкоторомъ смыслѣ за-
полненной и какъ будто нескучной. И такъ тянулся день
за днемъ, пока въ жизни ихъ не произошла перемѣна, рѣзко
нарушившая теченіе ихъ обихода. И такимъ малымъ, та-
кимъ на видъ ничтожнымъ показалось сначала обстоятель-
ство, повлекшее за собою измѣненіе всего: Петръ Ивановичъ
молодой завелъ себѣ котенка.

IV.

Случилось это такимъ образомъ.

Однажды вечеромъ, уйдя за покупкою хлѣба къ ужину,
Павель Степановичъ пропалъ.

Иногда онъ и ранѣе уходилъ вечеромъ прогуляться; но
отлучался обычно всего лишь на полчаса. Теперь же про-
шло два часа, а Петра Ивановича молодого все не было.

Старый забеспокоился; выглядывалъ въ окна и за двери,
заходилъ на кухню, выбрался и къ квартирной хозяйкѣ,—
освѣдомился у нея,—все не было Павла Степановича. Не-
много обиднымъ показалось и то, что ушелъ онъ за хлѣ-
бомъ, что на столѣ все было приготовлено къ ужину, пора
было закусывать, и въ самоварѣ напрасно гасли угли.

Павель Степановичъ явился домой лишь къ ночи и
пришелъ разстроенный, неся что-то въ узелкѣ.

— Что это, хлѣбъ?—спросилъ Григорій Петровичъ.

— Хлѣбъ!—насмѣшливо повторилъ Павель Степано-
вичъ и пожалъ плечами.— Не хлѣбъ, а котенокъ. И прошу
васъ осторожнѣе: у него сломана лапа.

— Котенокъ! — растерянно прошепталъ Петръ Ивано-
вичъ старый и, какъ бы не вѣря пріятелю, заглянулъ въ

узелокъ. Изъ платка, дѣйствительно, выглядывала курносая ушастая мордочка.

— Собственно говоря, зачѣмъ намъ котенокъ?— съ недоумѣніемъ проговорилъ Григорій Петровичъ. Онъ сказалъ это больше для себя, вовсе не съ цѣлью разсердить Петра Ивановича молодого, но тому показалось все это обиднымъ, и онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, затопать ногами.

— Зачѣмъ котенокъ?— закричалъ онъ.— А зачѣмъ снѣгъ идетъ? Зачѣмъ бездомныя кошки отъ голода умираютъ! Не зналъ я, что вы, Петръ Ивановичъ, можете такъ глупо разсуждать.

Не зналъ, что отвѣтить Григорій Петровичъ, склонился къ котенку, и тотъ, можетъ быть, съ испугу, пискнулъ: пи!— и Петръ Ивановичъ молодой бросился къ столу и снова закричалъ на товарища:

— Я же просилъ васъ быть осторожнѣе! У него сломана лапа, отойдите прочь!

— Не понимаю, съ чего вы такъ волнуетесь,— сдерживаясь, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ старшій.— Если у него и сломана лапа,— не я сломалъ.

Обиженно онъ отошелъ въ уголъ и присѣлъ на сундукъ.

Нѣкоторое время Павелъ Степановичъ возился надъ котенкомъ. Можетъ быть, ему было совѣстно за свои крики: онъ что-то бормоталъ неясно, потомъ сталъ ворчливо объяснять:

— Противные мальчишки, это они сломали ему ногу. Жаль, что я двоихъ не догналъ.

И волнуясь, началъ рассказывать о томъ, какъ онъ встрѣтилъ подлѣ булочной мальчишекъ, которые били котенка прутьями.

— Двоимъ изъ нихъ я надралъ-таки уши, а пару не догнать: надо было въ аптеку зайти.

— А вы были и въ аптеку? — спросилъ Григорій Петровичъ.

— Конечно, былъ, — съ досадою отвѣтилъ Павелъ Степановичъ, — даже не въ одной, — въ трехъ былъ: никто не хотѣлъ перевязывать котенку лапу. Слышите, — онъ засмѣялся сердито и устало: — потому что это былъ звѣрокъ, никто не хотѣлъ ему помочь. Хорошие люди тоже... Вы что?

— Я говорю, что самоваръ сталъ совсѣмъ холодный, — негромко замѣтилъ старшій Петръ Ивановичъ, и молодой злобно разсмѣялся на всю комнату.

— Да, вотъ вы о чемъ, — протяжно сказалъ онъ и, подойдя, крикнулъ Григорію Петровичу въ самое ухо:

— Тоже... добрая душа!

V.

Въ дальнѣйшемъ однако, слѣды первой размолвки сгладились, и больше всего потому, что дѣло съ котенкомъ шло хорошо, и онъ поправлялся, къ большой радости Павла Степановича. Куда пропала его хмурость; сталъ онъ ласковый и общительный и, чего раньше за нимъ даже и не водилось, — нерѣдко улыбался.

— Вы замѣчаете, Петръ Ивановичъ, это совсѣмъ не простой котенокъ: онъ породистый; вѣроятно, онъ изъ сибирскихъ, вы только взгляните на его хвостъ, что?

Старшій Петръ Ивановичъ въ отвѣтъ, чтобы не сердить пріятеля, только отмалчивался: онъ вовсе не находилъ ничего особеннаго въ котенкѣ.

Шли дни, и любовь Петра Ивановича молодого къ его питомцу все росла и увеличивалась. Какъ ранѣ приносилъ онъ какой-либо подарокъ своему старому другу, теперь онъ зачастую являлся съ бутылочкой сливокъ, но уже предназначенныхъ Мурзику,—такъ звали котенка.

— Ну, послушайте, Петръ Ивановичъ, неужели все это... надобно?—не выдержавъ, спрашивалъ иногда Петръ Ивановичъ старшій и начинать посматривать на новаго жильца уже съ ожесточеніемъ.

— Простая кошка, и вдругъ — сливки! — багровѣя отъ волненія, бормоталъ онъ.

Однако, котенокъ въ самомъ дѣлѣ не былъ простымъ: отъ корма и отъ хорошаго житія онъ сталъ расти не по днямъ, а по часамъ, шерсть его приобрѣла особый блескъ, а хвостикъ, бывшій ранѣ точно ощипаннымъ, вдругъ запушился длинными, мягкими какъ шелкъ, волосами.

Какая-то радость, словно просвѣтлѣніе, все больше и больше сходили на душу молодого Петра Ивановича; его щеки порозовѣли, теперь не такъ горбился онъ при ходьбѣ, и, странно даже сказать, сталъ меньше каплять.

Придя домой со службы, онъ, первымъ долгомъ, бросался къ корзиночкѣ, въ которой спалъ Мурзикъ, бралъ его на руки, цѣловать и, глядя за ушами, начиналъ разговаривать съ котенкомъ, какъ съ человѣкомъ.

— Ты понимаешь, Мурзикъ,—говорилъ онъ,—на улицѣ сегодня была такая давка, что было трудно сѣсть на конку. И въ молочной было такъ тѣсно, что я не смогъ купить тебѣ чайной колбасы, я куплю завтра!—ты не сердись.

Но Мурзикъ и не сердился. Онъ только журчалъ свою пѣсенку: „мурр-мурр“... и поводитъ розовыми мохнатыми ушками; а старшій Петръ Ивановичъ, сердито передвигалъ

на своемъ столѣ бумаги и карандаши и ворчалъ про себя:

— Котенку—и вдругъ чайной колбасы! Экое баловство!

Случалось, что Павелъ Степановичъ улавливалъ ворчаніе старика. Но,—и опять это было странно,—теперь онъ не сердился; онъ только улыбался, и улыбался просвѣтленно, всѣмъ своимъ счастливымъ и радостнымъ лицомъ.

— Вы понимаете, Петръ Ивановичъ,—говорилъ онъ и все улыбался.—Нѣтъ, вы этого не понимаете: какъ важно для человѣка—любить. Кого-нибудь любить, что-либо любить, но любить непременно. Тогда. Петръ Ивановичъ,—голосъ Павла Степановича начиналъ дрожать,—тогда начинаешь чувствовать, точно музыка у тебя въ сердцѣ,—и хочется быть добрымъ и хорошимъ, и улыбаться... Точно музыка въ сердцѣ,—лучше я не могу сказать: вотъ что значить—любить!

— Однако... любить звѣря... котенка!—дергая плечами, замѣчалъ Григорій Петровичъ изъ своего угла, и лицо его бурѣло отъ негодованія и еще какого-то страннаго, непонятнаго ему самому, чувства... Точно отъ зависти щемило на душѣ.—Любить кошку.

— Да, любить кошку или собаку, или человѣка... Любить все равно, кого, но любить непременно...

— Можно бы найти что-либо болѣе достойное!

— Достойное!—повторялъ Петръ Ивановичъ молодой и улыбался жалостно, и вглядывался въ него старый Григорій Петровичъ и не узнавалъ его: такъ хорошѣло его лицо.—Достойное!.. А развѣ это маленькое безсильное существо недостойно любви? У человѣка есть въ большинствѣ случаевъ что-либо или кто-либо... Наконецъ, о человѣкѣ обычно заботится человѣкъ... А вотъ кто есть у этого Мурзика сѣраго? Кому онъ нуженъ? Онъ, выброшенный на

улицу со сломанной лапой,— кому быть нуженъ этотъ безпомощный звѣрокъ?

Мутнѣло на сердцѣ стараго Петра Ивановича отъ словъ молодого. И не зналъ онъ, что сказать, и чувствовалъ въ его простыхъ и горячихъ словахъ правду, но злоба и раздраженіе не давали признаться въ этомъ... И, понуривъ голову, злой, угрюмый и темный, онъ укладывался на свою постель.

Долго не засыпалъ онъ; чувствовалъ себя обиженнымъ и одинокимъ, ненужнымъ никому и вздыхалъ, и много разъ звало его подойти къ счастливому Павлу Степановичу и сказать ему, что онъ правъ, что, дѣйствительно, такъ и надо, что надо кого-либо на свѣтѣ любить,—но гордость и ожесточеніе темнили душу, и онъ засыпалъ злой, замкнутый и суровый.

— Вы подумайте и такъ, — говорилъ утромъ, отправляясь на службу, Павелъ Степановичъ.— Вы сказали: любить только людей. Да кому мы нужны? Мы, старые, больные, ничтожные, не приносящіе никому пользы,—кому мы нужны? А этому безпомощному звѣрку я нуженъ, и я чувствую, онъ любитъ меня. Вы посмотрите только, какъ онъ мурлычить, какъ пищить, когда я ухожу; какъ бросается ко мнѣ радостно на руки... Онъ чувствуетъ все, Петръ Ивановичъ, и можетъ быть болѣе, чѣмъ иной человекъ.

Хмурясь отъ раздраженія, опускалъ голову старый Григорій Петровичъ: точно молодой говорилъ про него.

VI.

Случилось такъ, что Павелъ Степановичъ захворалъ. Хотя онъ съ нѣкоторыхъ поръ и поправился и даже порозовѣлъ, но осенью Павлу Степановичу всегда бывало трудно.

Стоило ему въ началѣ осени простудиться, какъ кашель уже не отвязывался отъ него вплоть до весны и весной дѣлался особо ожесточеннымъ. Щеки его дѣлались весною, правда, румянѣе, но румянецъ этотъ принималъ какой-то багровый оттѣнокъ и казался жалкимъ и страшнымъ. Старому Петру Ивановичу было въ самомъ дѣлѣ страшно смотрѣть, какъ молодой схватывался за грудь и кашлялъ въ платокъ, при чемъ иногда на платкѣ появлялась алая пѣна.

Какъ ни пряталъ платки Павелъ Степановичъ,—старый все же замѣчалъ на нихъ кровь и сердито говорилъ.

— Вамъ слѣдовало бы обратиться къ доктору, Петръ Ивановичъ, а то вы совсѣмъ захирѣете... съ вашимъ котенкомъ.

Точно вымещая злобу на звѣркѣ, онъ всегда добавлялъ „съ вашимъ котенкомъ“ и такъ жутко было видѣть, что Петръ Ивановичъ молодой радостно улыбался.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не отъ котенка! — говорилъ онъ и принимался ласкать Мурзика. — Я никогда еще не былъ такъ счастливъ: точно я не на землѣ. Слушайте, какъ мурлычетъ маленькій Мурзикъ, слушайте, слушайте! Теперь онъ не отходитъ отъ меня ни на шагъ.

— Ахъ, ахъ!—растерянно вздыхалъ старый Петръ Ивановичъ и отходилъ къ своей постели.

Изъ угла онъ наблюдалъ, какъ котенокъ теперь, въ самомъ дѣлѣ, не отходилъ отъ Павла Степановича. Странно,— было замѣтно, Мурзикъ словно подмѣнился за послѣдніе дни. Онъ теперь не скакалъ по комнатамъ за мячикомъ, не вертѣлся, когда ему привязывали бумажку на хвостъ и не дѣлалъ по стульямъ обычныхъ воздушныхъ пируэтовъ: точно серьезнѣе и строже стала его курносая мордочка и

усики уже не такъ торчали,—словно былъ Мурзикъ чѣмъ-то опечаленъ или предчувствовалъ тяжелое.

— Ты похудѣлъ, мой Мурзикъ!—играя съ нимъ, говорилъ Павелъ Степановичъ и медленно улыбался. — А вотъ мнѣ, коташечка, такъ легко стало теперь, такъ хорошо.

— Мурр... мурр...—отвѣчалъ Мурзикъ на своемъ таинственномъ языкѣ.

VII.

Внезапно ночью умеръ Павелъ Степановичъ.

Случилось это такъ неожиданно и страшно среди непогожей ночи, что старый Петръ Ивановичъ долго не могъ повѣрить... И однако Павелъ Степановичъ былъ мертвъ.

Спавшій особенно крѣпко,—было это воскресенье, и не надо было идти на службу,—Григорій Петровичъ проснулся въ своей постели отъ жалобнаго писка.

— Пи... Пи!

Еще сквозь сонъ онъ съ досадою слушалъ это пищаніе. „Опять эта кошка!“—пронеслось въ его умѣ, и, чтобы не слышать, онъ закрылся одѣяломъ съ головою.

Но и подъ одѣяло проникало жалобное пищаніе.

— Безобразіе!—проворчалъ старый Петръ Ивановичъ. — Не даетъ спать! Голоденъ онъ, что-ли...

Пищаніе все продолжалось, и, бросивъ сердитый взглядъ въ уголь на корзинку, Григорій Петровичъ поднялся на постели и зажегъ свѣчу.

— Ну, чего тебѣ? Чего?—забормоталъ онъ, подходя къ Мурзиковой постели.

Но котенка тамъ не было.

— Да ты еще залѣзь къ нему! — приготовился было крикнуть старый Петръ Ивановичъ, но остановился по-

среди комнаты и чуть не выронилъ изъ рукъ свѣчи. Павелъ Степановичъ лежалъ на постели съ темно-желтымъ словно окаменѣвшимъ лицомъ, и уголь подушки его былъ красенъ.

У ногъ, на одѣялѣ лежалъ Мурзикъ и жалобно пицалъ:

— П-и-и!

— Петръ Ивановичъ!—крикнулъ старикъ.—Петръ Ивановичъ, проснитесь! Что это вы?—Онъ потрогалъ его за плечо, потомъ принялся трясти, выпустилъ голову Павла Степановича изъ рукъ, и голова жестко, какъ чугунная, ударилась о деревянную спинку кровати: Бумъ!

— Спасите! Помогите! — закричалъ Григорій Петровичъ.—Петръ Ивановичъ умеръ! Ой, ой!

Въ комнату вбѣжали испуганные жильцы.

VIII.

Когда, на третій день, Павла Степановича похоронили, старый Петръ Ивановичъ пришелъ домой и присѣлъ на кровать. Въ головѣ его было пусто, на сердцѣ холодно, и онъ не соображалъ ничего. Не было и горя на душѣ,—вездѣ было пусто. И день за окномъ стоялъ совсѣмъ не весенній—пронизанный льдомъ.

Жалобное, едва слышное пищаніе вдругъ донеслось до слуха Григорія Петровича. Онъ вздрогнулъ, почувствовалъ, что сердце его начинаетъ оттаивать. Еще не сразу стало въ головѣ яснымъ, кто издалъ этотъ жалкій безпомощный звукъ; потомъ разъяснилось, и Григорій Петровичъ торпливо подошелъ къ углу.

— Мурзикъ, Мурзикъ,—позвалъ онъ.

Снова не было Мурзика въ его корзинкѣ. Старый Петръ Ивановичъ прошелъ по комнатѣ и увидѣлъ котенка на кровати Павла Степановича. Онъ лежалъ у самой подушки, жалобно сжавшись въ клубочекъ, и Григорій Петровичъ сначала его не узналъ. Мурзикъ выглядѣлъ маленькимъ и облинявшимъ, и глаза его, всегда живые, были тусклы и словно слѣпы.

— Забылъ я въ эти дни покормить тебя, Мурзикъ! — сказалъ Григорій Петровичъ и съ чувствомъ никогда ранѣе не ощущавшейся жалости погладилъ котенка по спинѣ. Острые позвонки четко обрисовались подъ его рукою, и, охваченный чувствомъ острой внезапной жалости, Петръ Ивановичъ старый вдругъ всхлипнулъ.

— Остались мы одни съ тобою, Мурзикъ! Одни во всемъ свѣтѣ!

— Пи-и... и!—пискнулъ котенокъ и раскрылъ ротъ, и маленькіе острѣе зубки блеснули безпомощно.

— Да, да... были трудные дни; дѣйствительно, я забылъ про тебя, Мурзикъ, забылъ покормить!

Чувствуя неизмѣримую жалость въ сердцѣ, Григорій Петровичъ взялъ котенка на руки и понесъ къ углу, гдѣ обычно стояло отведенное ему Павломъ Степановичемъ блюдце съ молокомъ.

— Я попрошу молока у кухарки,—хотѣлъ сказать Григорій Петровичъ и удивленно склонился: передъ нимъ стояло блюдечко, полное молока и накрошенныхъ въ немъ кусковъ хлѣба.

— Отчего же ты, Мурзикъ, не ѣшь?—спросилъ котенка Григорій Петровичъ и ткнулъ Мурзика мордочкой въ молоко. Но котенокъ не сталъ ѣсть. Онъ отодвинулся, жалобно пискнулъ и вдругъ прилежъ на бокъ.

— А-а-а! — закричалъ все понявшій Григорій Петровичъ.—А-а-а! Онъ не ѣсть!

Встревоженное лицо кухарки нарисовалось передъ нимъ.

— Ты кормила его, Минодорушка,—устало, одними губами прошептала старшій Петръ Ивановичъ.

— Трои дни наливаю котенку-то... и хлѣба кроху,—все не жретъ!—сердито проворчала кухарка и вышла.

— А-а-а!—уже жалобно, словно совѣмъ по кошачьи, пискнулъ и Григорій Петровичъ и, присѣлъ на кровати.—Мурзичка мой милый, ты заболѣлъ?

Снова взялъ котенка на руки и поставилъ передъ собою. Мурзикъ подержался на слабыхъ лапкахъ и снова присѣлъ и жалобно пискнувъ, прилежъ на бокъ.

— А-а-а!—уже беззвучно повторилъ Григорій Петровичъ.

Въ субботу Мурзикъ умеръ.

Н. Крашенинниковъ.

ПОМНИ!

На полу, играя въ солдаты,
Ты забудешь, что нынче война,
Что деревья, лошади, хаты
Называются словомъ: страна.

Каждый день по свѣжимъ газетамъ
Посмотрѣть—въ глазахъ зарябить:
Тотъ героемъ сталь, а объ этомъ
Написано только: „убить!“

Это тѣ, что по улицѣ въ праздникъ
Шли весело, съ музыкой въ шагъ,
А теперь мы прочтемъ лишь рассказъ о нихъ,
А теперь передъ ними—врагъ!

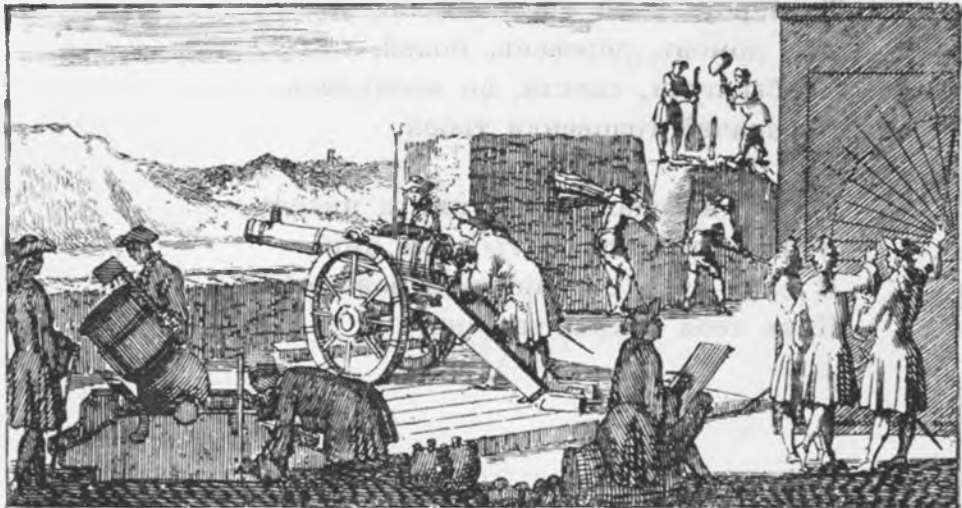
О, подумай! Выросши взрослымъ,
Ты припомнишь это какъ сонъ,
И великимъ временемъ прошлымъ
Станетъ утро твоихъ временъ.

То народъ твой ушедшій изъ улицъ,
Изъ домовъ, деревень, полей,
Чтобы пули, свистя, не коснулись
Невзначай головенки твоей,

Чтобъ, не зная пмень ихъ и чисель,
Въчно помнить ты грозные дни
И свой духъ сохранилъ и возвысилъ,
Какъ тебя сохранили они.

Ник. Асбевъ.

ДВѢ СКАЗКИ.

I.

ЖЕСТОКІЙ ДОГОВОРЪ.

Аравская сказка, подавшая Шекспиру идею драмы
„Венеціанскій купецъ“.

Омаръ былъ лѣнивъ. Годы проходили, а онъ все еще жилъ у своихъ стариковъ, за ихъ счетъ. Правда, добрый и веселый нравъ сына заставлялъ стариковъ забывать о его недостаткахъ. Порою отецъ журилъ Омара за то, что онъ не хлопочетъ о собственномъ гнѣздѣ, какъ другіе, но сынъ, въ отвѣтъ, лишь посмѣивался, и цѣлуя мать, добродушно говаривалъ:

— Къ чему мнѣ собственный домъ? Я здѣсь гораздо счастливѣ!..

Старуха-мать улыбалась, довольная, такъ какъ красавецъ Омаръ былъ ея любимцемъ.

Но года шли, и, наконецъ, наступило время, когда старики мирно уснули подъ покровомъ земли. Омаръ остался одинъ и въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя несчастнымъ. Горе его было такъ сильно и искренно, что всѣмъ было жалко его, и сосѣди наперебой кормили и поили его и старались утѣшить ласковымъ словомъ.

Поздно было теперь вспоминать отцовскій совѣтъ, но все же Омаръ задумалъ исполнить его. Прежде всего, рѣшилъ онъ, необходимо жениться. И когда грусть его смягчилась, онъ сталъ присматриваться къ дѣвушкамъ на селѣ. Хороша была Аика, что пѣла, какъ птичка; еще лучше — плясунья Селима: ея личико было такъ прелестно, что розы въ окошкѣ краснѣли отъ зависти... Но не Селима и не Аика, а робкая Фатима притянула его. Въ ея очахъ, похожихъ на глаза его матери, онъ прочелъ ту же нѣжную привязанность, которая превратила ему родной домъ въ счастливый рай.

Фатима тоже полюбила его, но рѣшила стать его женой лишь послѣ того, какъ онъ станетъ самъ зарабатывать.

— Пора тебѣ взяться за трудъ, дорогой Омаръ,—говорила она, повторяя слова его отца.— я съ радостью стану твоей женой, но не прежде, чѣмъ ты принесешь мнѣ тридцать кошельковъ золота. Мы не можемъ питаться воздухомъ, а женѣ непристойно работать на мужа...

Бѣдный Омаръ пожалъ плечами. Какъ ему быть? Красивыя руки не знали ремесла, а безъ денегъ нельзя начать ни одного дѣла. На умъ ему пришелъ богачь-еврей, часто ссужавшій купцовъ деньгами, и вотъ онъ, недолго думая, отправился къ ростовщику.

Иссахаръ хитро поглядѣлъ на него.

— Ты говоришь, что заплатишь мнѣ... Но когда? Я знаю тебя, юный Омаръ! Ты—сынъ своего отца, но отецъ твой быть трудолюбивъ, а ты проводишь время въ праздности... Какъ я могу быть увѣренъ, что ты, дѣйствительно, станешь работать?

Омаръ горячо увѣрялъ его, что какъ только онъ женится на Фатимѣ, онъ камня на камень не оставитъ, а раздобудетъ себѣ состояніе...

— Одолжи мнѣ только тридцать кошельковъ золота, и ты увидишь!..

Еврей не долюбивалъ Омара, такъ какъ ему самому приглянулась Фатима, но, въ концѣ-концовъ, онъ согласился дать деньги.

— Но прежде, чѣмъ я дамъ тебѣ золото, — сказалъ онъ:—подпиши-ка вотъ это!

И онъ положилъ передъ нимъ написанный договоръ, въ которомъ говорилось, что если онъ, Омаръ, не уплатитъ долга въ теченіе семи лѣтъ, то Иссахаръ имѣетъ право отрѣзать у него кусочекъ языка, вѣсомъ въ одну драхму.

Легкомысленный Омаръ, не колеблясь, подписалъ бумагу. Когда Фатима станетъ его женою, думалъ онъ, онъ завоюетъ весь міръ, и не пройдетъ еще семи лѣтъ, какъ онъ разбогатѣетъ и будетъ въ состояніи уплатить дважды столько. Въ отличномъ настроеніи, онъ сталъ хлопотать о свадьбѣ и истратилъ на нее столько, что въ скоромъ времени половины занятой суммы какъ не бывало.

— Что за бѣда! — подумалъ онъ.—Скоро я заработаю больше!

Вскорѣ послѣ свадьбы, онъ открылъ лавку предметовъ первой необходимости, какъ-то: метлы, табакъ, сыръ и соль.

Безъ всего люди могутъ обойтись, рѣшилъ онъ, а безъ этого не обойдутся...

Къ общему удивленію, (всѣ знали, какъ лѣнивъ былъ Омаръ),—лавка процвѣтала. Фатима нѣжно любила мужа и, хотя не могла приучить его къ трудолюбію, все же заставляла удѣлять кое-какое вниманіе лавкѣ. А когда онъ ускользалъ отъ нея и, забравшись на зеленую лужайку, валялся на травѣ въ мечтахъ, она заступала его мѣсто. Она оказалась такой ловкой, умѣлой продавщицей, что покупатели часто выбирали нарочно тотъ часъ, когда Омара не было дома. Подъ тюфякомъ она берегла кошелекъ, куда откладывала блестящія серебряныя монеты, и если бы не расточительность Омара, у нея было бы накоплено еще больше.

Счастьемъ оказалось для обоихъ, что Фатима повела дѣло такъ ловко. Къ концу седьмого года наступили въ селѣ тяжелыя времена, и ни у кого не было денегъ. Омаръ внезапно понялъ, что не выплатитъ ему долга Иссахару, и открытіе это погрузило его въ глубокую печаль. Онъ лишился сна, думая о томъ, что станется съ нимъ, когда ростовщикъ отрѣжетъ у него кусокъ языка... Слыша его частые вздохи, Фатима забеспокоилась и заставила его рассказать себѣ все.

— Если бы я знала, — вскричала она, — подъ какимъ условіемъ ты получилъ тѣ тридцать кошельковъ золота, я ни за что не позволила бы тебѣ коснуться ихъ!

Она не стала упрекать его, и никогда Омаръ не любилъ ея такъ сильно, какъ въ тѣ дни, когда они, понуривъ головы, сумрачно занимались своимъ дѣломъ.

Разъ вечеромъ, на закатѣ солнца, Фатимѣ пришелъ въ голову планъ. Раздѣливъ свои сбереженія на три части, она завязала одну часть въ шелковый платокъ и направи-

лась въ домъ кади (судьи). Съ глубокимъ поклономъ положила она деньги къ его ногамъ и ушла, не сказавъ ни слова. То же самое сдѣлала она во второй и третій вечеръ, и когда она уходила въ третій разъ, кади остановилъ ее.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ ласково.

— О, кади! — взмолилась она, — окажи мнѣ милость! Позволь мнѣ только одинъ часъ просидѣть въ твоемъ одѣяніи на скамьѣ судьи въ пятницу, и я стану благословлять тебя всю свою жизнь!

Кади отказалъ бы ей, но въ бархатныхъ глазахъ Фатимы было столько мольбы, что онъ сжалился.

— Пусть будетъ по твоему, — молвилъ онъ: — но я встану за ширмой и буду слушать все, что ты скажешь. Если приговоръ твой будетъ несправедливъ, я отмѣню его и выгоню тебя изъ суда, какъ самозванку...

Фатима поблагодарила его отъ всего сердца, и въ пятницу она сидѣла на мѣстѣ судьи.

Первымъ было назначено дѣло Иссахара и Омара. Худое лицо ростовщика сіяло злымъ торжествомъ. Наконецъ-то онъ отомститъ за то пренебреженіе, какое оказала ему прекрасная Фатима! Оскаливъ зубы отъ радости, онъ выслушалъ признаніе Омара, что тотъ не можетъ вернуть ему золото, и поспѣшно потребовалъ, чтобы онъ понесъ условленную кару.

— Отлично, — сказала Фатима: — онъ не можетъ тебѣ заплатитъ, и ты имѣешь поэтому право отрѣзать кусочекъ его языка. Захватилъ ли ты съ собой бритву, Иссахаръ?

Ростовщикъ быстро досталъ ножъ, и Омаръ поблѣднѣлъ, какъ смерть, видя, какъ онъ, съ дьявольской радостью, пробуеъ лезвее.

Однако, онъ держалъ себя мужественно, и Фатима по-

чувствовала гордость за мужа, когда онъ спокойно выступилъ впередъ, чтобы подчиниться рѣшенію.

— Но берегись!—предупредила она Иссахара:—не пролей ни одной капельки крови! Въ договорѣ нѣтъ ни слова о томъ, что ты имѣешь право пролить кровь. И если ты отрѣжешь больше или меньше, чѣмъ одну драхму, ты будешь наказанъ по всей строгости закона!

Теперь настала очередь Иссахара вздрогнуть и поблѣднѣть. Въ голосѣ кади слышалась такая рѣшимость, что онъ зналъ—просьбы были бы напрасны. Принявъ великодушный видъ, онъ объявилъ, что, въ память отца Омара, оказавшаго ему когда-то услугу, онъ прощаетъ долгъ его сына.

— Дѣло не можетъ, такимъ образомъ, кончиться, — строго сказалъ кади. — Договоръ подлежитъ исполненію. Изволь немедленно отрѣзать одну драхму языка Омара и помни—ни больше, ни меньше!

Иссахаръ не на шутку испугался за собственную жизнь, упалъ на колѣни и предложилъ тридцать кошелековъ золота, чтобы откупиться отъ такой невозможной задачи.

— Отлично!—сказалъ кади, и приговоръ былъ быстро занесенъ въ книгу рѣшеній.

Настоящій кади былъ такъ доволенъ хитростью Фатимы, что отказался отъ тѣхъ тридцати кошелековъ золота, которые Иссахаръ уплатилъ суду.

— Они твои, о мудрая женщина!—сказалъ онъ съ доброй улыбкой, и Фатима поспѣшила домой, переодѣвшись въ собственное платье.

Вскорѣ явился домой Омаръ. Онъ столько пережилъ въ судѣ и спѣшилъ рассказать ей все, что случилось. Онъ быстро описалъ сцену въ судѣ.

— Этотъ кади не только умный судья, — прибавилъ

Омаръ.—но и очень красивый малый!.. Еслибъ ты видѣла, какъ сверкали его глаза, когда Иссахаръ платилъ ему золото!..

— Красивѣе даже меня?— лукаво засмѣялась Фатима и, къ удивленію Омара, показала ему тридцать кошельковъ золота, что уплатилъ суду ростовщикъ. Со слезами радости выслушалъ Омаръ, какъ она спасла его своимъ женскимъ умомъ, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ такъ трудолюбивъ, что отцы ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ.

II.

ПОЧЕМУ ЛЕВЪ ЦАРЬ ЗВѢРЕЙ.

Сказка индѣйцевъ.

Задолго до того, какъ на землѣ появился человѣкъ, дикіе звѣри жили всѣ вмѣстѣ, на плодородномъ островѣ, посреди океана. Тогда еще они не поѣдали другъ друга. Сладкіе финики, апельсины и кокосовые орѣхи росли на островѣ въ изобиліи; по лужайкамъ, покрытымъ цвѣтами, текли прозрачныя, душистыя, какъ медъ, ручьи, и лѣсъ роскошныхъ пальмъ смягчалъ полуденный зной своей тѣнью. Было такъ хорошо, что для желаній не было мѣста, и раздоры не нарушали нигдѣ гармоніи моря и воздуха.

Тогда, какъ и теперь, заяцъ былъ очень робкимъ созданиемъ. Злой Духъ внушалъ ему разныя дурныя предчувствія, и заяцъ, среди своего счастья, вѣчно мучился приступами страха. Такъ уютенъ былъ домикъ его, зелень кругомъ была такъ свѣжа, что зайченку не вѣрилось въ длительность его счастья.

„Прекрасенъ Божій міръ!“—вздохнулъ онъ разъ, присѣвъ подъ молодымъ побѣгомъ, ютившимся въ тѣни роскошной кокосовой пальмы.— „Но кто знаетъ! Быть можетъ, уже близокъ конецъ... Вдругъ море поглотитъ нашъ островъ или съ неба упадетъ золотое солнце и раздавитъ насъ!..“

Ни одна тварь не откликнулась на его слова. Былъ полдень, звѣри отдыхали подъ сѣнью пальмъ и были слишкомъ довольны, чтобы волноваться мыслью о будущемъ. А зайчонокъ продолжалъ все вздыхать и вздыхать... И вздохи его были такъ протяжны и глубоки, что отъ нихъ колыхнулась, сочувствуя имъ, тяжелая вѣтвь кокосовой пальмы.

И раздался звукъ, наполнившій его ужасомъ — звукъ такой громкій, что зайчонокъ былъ почти оглушенъ.

„Такъ я и зналъ!“—завоилалъ онъ, вскочивъ. „Наступаетъ конецъ міра!“ И онъ поскакалъ впередъ съ такой бѣшеной быстротой, что всполошилъ другихъ зайцевъ.

— Что за бѣда? Что за бѣда приключилась?—кричали они, когда зайчонокъ мчался мимо.

— Не спрашивайте меня! — заплакалъ зайчонокъ. — Страшно сказать! Я зналъ, что такъ будетъ! Все было слишкомъ прекрасно, чтобы длиться вѣчно... Наступилъ конецъ міра!

Испугались тогда и остальные зайчата и пустились бѣжать во все стороны, крича: „Наступилъ конецъ міра“!

Стройныя антилопы, дремавшія у ручья, услышали страшную вѣсть и присоединились къ бѣгущимъ. Сквозь заросли, ворча, пробились кабаны, спрашивая о причинѣ такой спѣшки, и лоси, и буйволы, покинувъ равнины, бѣжали вмѣстѣ съ другими къ морю.

Задрожала сама мать-земля—такой шумъ былъ поднять копытами! Оставивъ свои темныя логова, мчались впередъ

носороги и тигры, а за ними тяжелымъ топотомъ неслись спросонокъ слоны. Наконецъ, всполошились и рассыпались во всѣ стороны львы. И, готовое поглотить ихъ, разверзло голодное море широкую пасть...

Но не успѣло еще первое животное достигнуть берега, какъ, зарывавъ, вышелъ изъ пещеры единственный звѣрь, не знавшій страха. То былъ темнобурый левъ, съ янтарными, сверкавшими, какъ солнце, глазами. Такого грознаго рыка не было на землѣ съ самаго сотворенія міра, и бѣглецы остановились, какъ вкопанные, прислушиваясь.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ, и мертвая тишина воцарилась кругомъ.

Родичи льва устыдились своего безумнаго бѣгства и съ укоромъ взглянули на слоновъ. Слоны безпокойно захлопали большими ушами и отвѣтили:—Спроси у тигровъ! Хитрые тигры сослались на буйволовъ, а буйволы промычали:—Спроси лосей!

И такъ шелъ допросъ дальше и дальше, пока очередь не дошла до антилопъ и, наконецъ, до нашего зайченка.

Мудрый левъ спокойно обратился къ зайченку, съ трепетомъ стоявшему предъ нимъ.

— Расскажи мнѣ, сынокъ, какъ все случилось, — ласково молвилъ онъ.

И зайченокъ, дрожа, рассказалъ о своихъ мрачныхъ предчувствіяхъ подъ сѣнью кокосовой пальмы и объ ужасномъ трескѣ, который его оглушилъ и убѣдилъ въ томъ, что случилось несчастье.

— Я зналъ, что это конецъ міра, — прибавилъ съ трепетомъ заяцъ:—звукъ былъ такъ страшенъ!

И никто изъ звѣрей не осмѣлился поднять его на смѣхъ въ присутствіи мудраго льва.

— Прыгни ко мнѣ на спину, — сказала левъ зайченку, — и я отнесу тебя туда, гдѣ ты сидѣлъ. Тамъ мы разберемъ, откуда взялся трескъ. Никто тебѣ не сдѣлаетъ вреда, ручаюсь словомъ.

Зайченокъ былъ все еще сильно напуганъ, но онъ не посмѣлъ послушаться царя звѣрей. Онъ вскочилъ ко льву на спину, и такъ они отправились къ кокосовой пальмѣ, а за ними ордой потянулись всѣ звѣри.

— Ты вздохнулъ глубоко — такъ, кажется, ты рассказывалъ мнѣ? — молвилъ левъ, когда они остановились. — Да? Такъ вздохни-ка еще разокъ! И смотри — такъ же громко, какъ раньше!

И вздохнулъ зайченокъ глубоко и протяжно. Раньше онъ такъ часто вздыхалъ, что это не составило для него никакого труда.

И снова колыхнулась въ отвѣтъ тяжелая вѣтвь кокосовой пальмы. И одинъ изъ спѣлыхъ плодовъ упалъ внизъ, на корону пальмовыхъ листьевъ молодого побѣга.

Это и былъ тотъ звукъ, который напугалъ зайченка.

Съ англійскаго М. Гельсингусъ.

ВѢТЕРЬ.

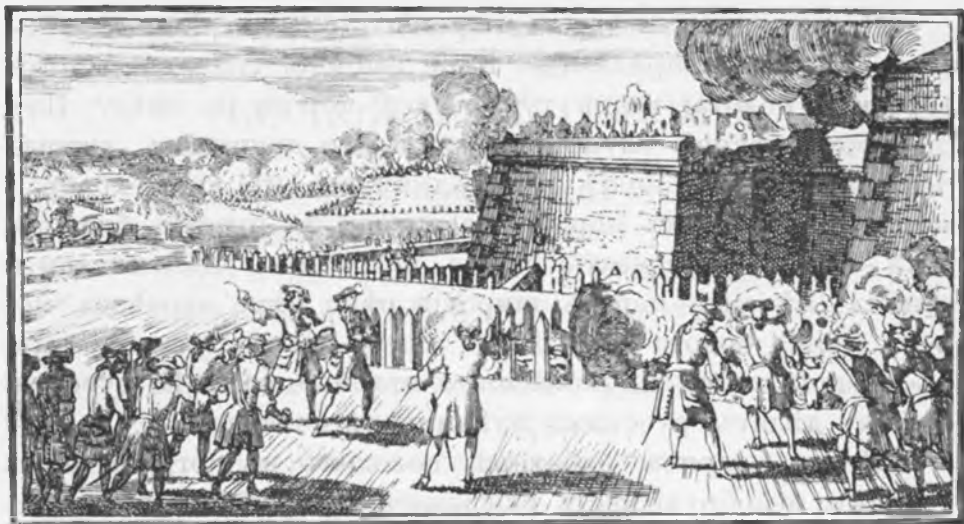
Проносится быстро въ верхушкахъ,
Снѣжинками сверху бросается,
У мальчика въ розовыхъ ушкахъ
Свиститъ и кусается.

Подпрыгнетъ и прямо съ разбѣга
Въ сугробъ кувырнется весело,
И вотъ уже дымку изъ снѣга
Метель надъ скамейкой повѣсила.

Привольно гуляетъ по саду,
У входа играетъ калиткою
И вдругъ, будто дымъ, за ограду
Поскачетъ походкою прыткою.

Завоетъ въ рѣшеткѣ такъ тонко,
Кусты раскачаетъ шумливые,
И въ шубкѣ пушистой ребенка
Заставитъ бѣжать торопливѣе.

Над. Ландская.

ПОХОДЪ МОСКВИТЯНЪ.

(Къ картинѣ С. В. Иванова).

Трудно жилось въ старину въ Московскомъ государствѣ: что ни годъ—то война, то походъ. Съ юга, изъ безкрайнихъ степей вихремъ налетаютъ татары, жгутъ села и города, уводятъ людей въ тяжкіи полонъ, подходятъ къ самой Москвѣ. Съ запада—нескончаемыя войны тянутся съ Литвою и Польшею, а на востокъ, на Волгъ, бунтъ за бунтомъ идетъ у горныхъ и луговыхъ черемисовъ, у лѣсной мордвы, у хитрыхъ башкиръ. Вся граница Московскаго государства—какъ военный лагерь: всюду недалеко другъ отъ друга, стоятъ сторожевые посты: зорко слѣдятъ воины за степью съ вышекъ и высокихъ деревьевъ—не покажется-ли пыль отъ татарскихъ коней.

Пришла зима, сковала широкія рѣки, закрѣпила крѣпкимъ льдомъ непролазныя топи, зыбучія трясины, многоверстныя болота: вездѣ тутъ всюду дорога по снѣгу. Изъ дремучей лѣсной глуши, изъ-за Волги двинулись хитрые черемисы, а на Волгѣ присоединилась къ нимъ храбрая мордва: ведутъ ихъ мордовскіе витязи на русскія ближнія села — людей повоевать, добра пограбить, дома попалить огнемъ. Лѣтомъ—черезъ широкія рѣки нѣтъ переѣзда, черезъ тонкія болота нѣтъ хода: теперь вездѣ путь. А тамъ, въ лѣсной глуши, идутъ жены и старики: заранѣе русскую добычу дѣлятъ, русскихъ плѣнниковъ считаютъ.

Гулко ударилъ набатный колоколъ въ пограничномъ городкѣ: недобрую вѣсть разсылаетъ старый колоколъ:—съ дальняго села прискакалъ истомленный гонецъ съ вѣстью, что поднялась мордва, и много ужъ сель повоевала и пожгла. Воевода кликнулъ кличъ: войско собирать. По-зимнему снаряжаются русскіе люди: морозъ—тоже врагъ; одѣваютъ овчинные полушубки, мѣховыя шапки—кто изъ желтой куницы, кто изъ старой бѣлки. На ногахъ—лыжи: такъ куда хочешь иди—и дороги не нужно. Передъ походомъ отслужили напутственный молебень, а въ другіе города гонцовъ разослали: пусть готовятся къ походу, если мордва первую рать одолѣетъ. И идутъ, идутъ по глубокимъ снѣгамъ, по таежнымъ мѣстамъ, въ суровый трескучій морозъ—защитники русской земли — искать боя съ лѣсными людьми — мордвой и черемисами. И сколько ихъ, безвѣстныхъ воиновъ, полегло за русскую землю въ дремучихъ лѣсахъ, въ безконечныхъ степяхъ! Ихъ имена знаетъ одинъ Господь.

С. Дурьлинъ.

ВЕСНОЙ ПОДЪ ОКНОМЪ.

На дворѣ, подѣ привѣтливымъ солнцемъ,
Спозарань воробы крикуны
Подѣ моимъ раскричались оконцемъ,
Расплясались, чѣмъ свѣтъ, прыгуны.

Полюбились имъ хлѣбныя крошки,
Полюбились пшено и крупа:
Что ни день, осаждаеть окошки
Удальцовъ сѣрокрылыхъ толпа.

Налетять, и подыметя драка,
Звонкимъ пискомъ наполнится дворъ:
Забіяку клюеть забіяка,
И никакъ не удержать задоръ.

И гнѣвливые тонки и звонки
Сѣрокрылыхъ гостей голоса,
Поклюють, поклюють вперегонки,
Щебеча, улетять въ небеса.

Какъ мнѣ любо, какъ любо мнѣ видѣть
Этотъ Божій летающій міръ!
Ну, могу ли, могу ли обидѣть
Ихъ нестройно щебечущій клиръ?

П. Зайцевъ.

„РОДНОЕ СЛОВО“.

(Посвящается памяти К. Д. Ушинскаго).

Кому неизвѣстны эти, сравнительно маленькія, скромнаго вида книжечки? Цѣлые миліоны дѣтей учились по нимъ читать-писать, привыкали чувствовать и мыслить и, даже, когда потомъ, книжечки эти случайно попадали въ руки людей взрослыхъ, многіе, перелистывая ихъ, испытывали при этомъ какое-то особое чувство признательности и удовлетворенія, какъ отъ свиданія съ близкимъ, милымъ другомъ, который, въ годы ихъ дѣтства или юности, своею простою

безхитростной бесѣдой сумѣть пробудить въ ихъ душѣ лучшія чувства человѣка.

Вотъ за что именно и цѣнитъ всякій память К. Д. Ушинскаго.

Въ напечатанной ниже пьесѣ для трехголоснаго дѣтскаго или женскаго хора: „Дѣти и полевая мышь“ текстъ взятъ изъ хрестоматіи К. Д. Ушинскаго „Родное Слово“. Музыка сочинена мною. Лишенный возможности почтить какимъ-либо образомъ память покойнаго педагога, я, вмѣсто цвѣтка на его могилу, посвящаю эту музыку его памяти, въ знакъ моего уваженія къ его прошедшей дѣятельности и признательности моей ему за тѣ добрыя чувства, которыя когда то возбуждала во мнѣ его книга.

Я. Прохоровъ.

ДЪТИ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ.

СЛОВА ИЗЪ СВ. „РОДНОЕ СЛОВО“. МУЗЫКА Я. ПРОХОРОВА. ОР. 7.

Трусля вый съ ренькій звѣрокъ

Трусля вый

Allegro moderato ♩ = 112

Великъ же твой испугъ; ты ногъ не слышишь, бѣдный подь со-

съренькій звѣрокъ

Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить? не - уж то колоса не
но какъ же быть? не ужто

meno mosso

взять тебѣ въ за пасѣ — Когда та ка - я бла - го дать
колоса не взять те - бѣ въ за пасѣ

ВЪ ПОЛЕГЪ у насъ!.

This system contains the first two systems of a musical score. The top staff is a vocal line with the lyrics "ВЪ ПОЛЕГЪ" and "у насъ!". The second staff is another vocal line. The third and fourth staves are piano accompaniment, with the right hand playing chords and the left hand playing a bass line.

This system consists of two empty musical staves, likely representing a continuation of the piece or a section that is not fully transcribed on this page.

This system contains the piano accompaniment for the second system. It features a grand staff with a treble clef and a bass clef. The music includes various chords and melodic lines, with some dynamic markings like *f* and *p*. The right hand has a more active role with chords and moving lines, while the left hand provides a steady bass accompaniment.

Andante $\text{♩} = 58$

Твой бѣдный до — микъ разо —
твой бѣдный

Andante $\text{♩} = 58$

твой бѣдный до — микъ

The first system consists of two vocal staves and a piano accompaniment. The vocal lines are in a major key with a key signature of one sharp (F#). The tempo is marked 'Andante' with a quarter note equal to 58 beats per minute. The lyrics are in Russian. The piano accompaniment features a complex texture with many accidentals and slurs.

рень — — по - чти съ землей сравнялся онъ;
домикъ разорент.

раз — зо — рень.

The second system continues the musical score with two vocal staves and piano accompaniment. The lyrics are: 'рень — — по - чти съ землей сравнялся онъ; домикъ разорент. раз — зо — рень.' The piano accompaniment continues with intricate harmonic and melodic lines.

И стá — нешь вновь и скáть ты мювѣ за новы́й

и стá нешь вновь и скáть ты мювѣ за новы́й

домъ — , а вѣ терь гро зень и су — ровъ — — —

вѣ терь гро — зень и су —

домъ, на новы́й домъ

Шу мить — — — кру-

ровъ. *Ritardando.*

гожь — шумить кру — гожь...!

Dolce.

Министерство народного просвещения

ИЗДАНИЕ

УЧЕБНИК ДЛЯ СРЕДНИХ ШКОЛ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

Изданія журнала «ПРОТАЛИНКА».

для СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

ТРЮГГЕ и ЕГО МАТЬ. Большая повѣсть изъ норвежской жизни Кристиана Герлефъ. Перев. Ел. Торнеусъ. Цѣна 40 коп.

„ПРОТАЛИНКА“. Сборникъ стихотвореній лучшихъ соврем. поэтовъ для заучиванія наизусть. Со многими рисунками. Цѣна 25 коп.

СКАЗКИ ОСКАРА УАЙЛЬДА. — Счастливый принцъ. Себялюбивый Великанъ. — Съ иллюстр. Вальтера Крѣна. Цѣна 12 коп.

„ЗАНАВѢСЬ ПОДНЯТЬ“. 2 пьесы для дѣтскихъ спектаклей. Цѣна 20 коп.

ДВА ДЕРЕВА. — Повѣсть Э. М. Со многими иллюстраціями. Цѣна 12 коп.

МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ СТРАНА. — Очерки о Бельгii Съ иллюстр. Цѣна 12 коп.

для МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Изданія, исполненныя въ нѣсколько красокъ.

ОГНЕННЫЕ ЧЕЛОВѢЧКИ. Сказка Волноморской. Рис. Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

ВЪ ЦАРСТВѢ ПАУКА. Сказка Е. Сергѣевой. Рис. Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ конторѣ Н. Печковской.
Москва, Петровскія линіи,

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПРОТАЛИНКА“

изд. въ Москвѣ—2-ой годъ изданія.

Подписчики получаютъ въ 1915 году:

12 кн. журнала большого формата.

12 кн. приложений:

- 1) Калевала. Финскій народный эпосъ. Иллюстр. карт. финскаго худ. А. Галена.
- 2) Скандинавская сага.
- 3) „На сѣверѣ тихомъ“. Очерки Олонецкаго края.—Сказатель старинокъ. Обыденные художники. На озерахъ. Съ фотогр.
- 4) „На сѣверѣ дикомъ“. Очерки Приморскаго Сѣвера.—Художникъ-путникъ. На океанѣ. Новая Земля. Со снимками съ карт.
- 5) Путешествіе въ Хивинское Ханство. Съ фотографіями.
- 6) Село Михайловское. Очерки Пушкинскаго уголка. Съ фотогр.
- 7) „Золотыя рѣчки“. Очерки К. Носилова. Съ фот.
- 8) „Стрѣлецкій батько“. Историческая повѣсть.
- 9) „Лизина ширинка“. Историческая повѣсть.
- 10) Путешествіе во французское Конго.
- 11) Въ міръ изобрѣтеній.
- 12) Въ царствѣ природы.

12 автотипій серія картинъ историческаго содержанія.

Отд. приложеніе большая повѣсть „Два корабля“ Кристиана Герлѣфа (автора „Трюге“).

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авшлова, Н. Асѣевъ, К. Афанасьевъ, Е. Булгакова, проф. С. Булгаковъ, А. Бѣляевъ, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, В. Дмитріева, С. Дурылинъ, Л. Зяловъ, С. Клычковъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Ландская, А. Мирская, К. Ноеяловъ, С. Покровский, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, Гр. А. Толстой, Е. Торнеусъ, А. Чельцовъ, Д. Шамбуровъ, Н. Шмелевъ, М. Яковлевъ и другіе.

Подписная цѣна 4 рубля въ годъ съ пересылкой, 2 р. — 1/2 года.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской, куда направлять и иногороднюю подписку; тамъ же безъ дост. 3 руб. 50 коп. и въ книжныхъ магазинахъ; въ Петроградѣ и Варшавѣ у Н. Карбасникова, въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ „Образование“.

Оставшіеся экземпляры за 1914 годъ можно получать за 4 руб. со всѣми приложеніями; безъ приложеній, цѣлый томъ въ переплетѣ—3 р. и отдѣльно, I и II полутомы (въ перепл. по 1 р. 75 к. Съ требованіями обращаться въ контору Н. Печковской.

Ред.-издательница Е. С. Чоловская.

Редакторъ А. П. Печковскій.